

Патрушев Сергей

Принц, Ведьма и одно кресло на двоих

Сергей Патрушев

**Принц, Ведьма и
одно кресло на двоих**

«Автор»

2026

Патрушев С.

Принц, Ведьма и одно кресло на двоих / С. Патрушев —
«Автор», 2026

— Слышь, Иллюзионист, у тебя мантия дымится. Опять переел понтов на завтрак?— Молчи, Камикадзе. Это от меня исходит аура гениальности. И вообще, ты мне ребро сломала!— Я тебе плечо сломала. Ребро ты сам об стену уронил, когда пытался выглядеть красиво падая.— Я создавал драматический эффект! А ты просто бегаешь и ломаешь всё! Включая имперские форты!— Зато я ломаю их эффективно! Иди сюда, у меня от твоего парфюма голова болит, спасу мир и дам в глаз.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дуэт, который ненавидит друг друга	5
Глава 2. Заказ на «Черную вдову»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Патрушев

Принц, Ведьма и одно кресло на двоих

Глава 1. Дуэт, который ненавидит друг друга

Вонь паленого мяса, дешевого эля и застарелого пота ударила в нос, едва тяжелая дубовая дверь таверны «Ржавый клинок» поддавалась под рукой Алекса. На улице моросил мелкий, противный дождь, свойственный поздней осени в предместьях столицы, и мокрая шерсть его дорожного плаща неприятно холодила шею. Но внутри было еще хуже. Жар от огромного очага смешивался с дыханием десятков наемников, создавая удушливую, липкую атмосферу, в которой запахи не выветривались годами, намертво въедаясь в потемневшие от копоти балки потолка.

Алекс брезгливо поморщился, переступая через порог. Его сапоги из мягкой, но прочной кожи, стоявшие больше, чем годовой доход половины посетителей этой таверны, оставили на грязном, липком от пролитого пива полу два чистых, влажных отпечатка. Он провел рукой по идеально уложенным темным волосам, стряхивая невидимые капли, и лишь затем позволил себе сделать шаг внутрь.

— Закрой дверь, аристократ! — рыкнул кто-то из дальнего угла, где компания бородатых головорезов резалась в кости. — Свет застишь.

Алекс даже не повернул головы. Он сделал плавный, почти танцующий шаг в сторону, пропуская мимо себя пролетевшую из того же угла тяжелую оловянную кружку. Она с глухим стуком врезалась в косяк, осыпав его плечо щепками.

— У них отвратительная координация, — ровным, мелодичным голосом заметил Алекс, обращаясь к спутнице, которая вошла следом. — Метнуть кружку и не попасть в дверной проем — это нужно постараться.

Алиса с силой захлопнула дверь, отсекая шум дождя, и прислонилась к ней спиной, скрестив руки на груди. Ее кожаный доспех, в отличие от элегантного камзола Алекса, был покрыт слоем серой дорожной пыли, а на левом наруче зияла свежая, глубокая борозда от вражеского тесака.

— У них отвратительная координация, — передразнила она его, кривя полные губы. — У тебя отвратительная скорость, Алекс. Мы торчали на той просеке лишние сорок минут. Пока ты там... — она неопределенно pokrutila кистью в воздухе, подбирая слово, — ...выпендрился.

Алекс элегантно добивал остатки банды в своей голове, заново проигрывая сцену, которая осталась в полумиле отсюда, за старым трактом.

Разбойников было семнадцать. Грязные, вооруженные ржавым мясницким хламом, они были уверены, что два одиноких путника — легкая добыча. Они даже не поняли, что умерли, пока не стало слишком поздно.

Алекс не обнажил клинок. Он не произнес ни одного боевого заклинания. Он просто щелкнул пальцами, и реальность для семнадцати ублюдков дала трещину.

Вместо грязной, раскисшей от дождей просеки они оказались на выжженном плато. Небо над ними стало цвета запекшейся крови, а воздух наполнился жаром и запахом серы. Земля под ногами пошла трещинами, из которых потянулся удушливый дым.

— Дракон! — завопил их вожак, одноглазый детина с огромным двуручным топором. — Это гребаный дракон!

Иллюзия была безупречной. Алекс вложил в нее ровно столько страха, сколько нужно, чтобы отключить разум и оставить только инстинкты. Из клубов дыма, сотканых из чистой

маны, вырвался рев — низкий, вибрирующий, от которого, по задумке, должны были лопаться барабанные перепонки. Земля содрогнулась.

Разбойники, побросав поживу, в панике заметались. Они рубили призрачные тени, пытались укрыться за несуществующими валунами, один из них с воем бросился бежать прямо в нарисованный Алексом огненный вихрь и покатился по земле, пытаясь сбить с себя пламя, которого не было. Одноглазый вожак, ревя что-то нечленораздельное, рубил топором воздух перед собой, сражаясь с тeneвым силуэтом, сотканным из дыма и ужаса.

Алекс стоял в центре этого хаоса, сунув руки в карманы своего безупречного плаща, и с академическим интересом наблюдал, как человеческая психика ломается под давлением первобытного страха. Он не торопился. Зачем? Мана стоит дорого, а тратить ее на физическое устранение этих отбросов — все равно что забивать кованые гвозди микроскопом. Он дал им насладиться их концом. Он позволил одноглазому почти «победить» свою иллюзию, прежде чем щелкнул пальцами во второй раз.

Трещины в земле схлопнулись. Небо снова стало свинцово-серым. Дым развеялся. На грязной просеке остались лежать семнадцать тел. Никто не был ранен — ни царапины. Они просто лежали, глядя в пустоту невидящими глазами, навсегда застряв в той битве с драконом. Глубокий ментальный шок. Идеальная, чистая работа.

— Медленный? — переспросил Алекс, возвращаясь из воспоминаний в душную таверну и подходившему к стойке регистрации гильдии. Он оперся о выщербленное дерево локтем, и это движение выглядело так, словно герцог присаживался на трон. — Алиса, дорогая, я решил проблему. Я не оставил им шанса позвать на помощь. Я не оставил следов. Я подарил им... уникальный опыт перед вечностью. Это называется эстетика. Тебе бы поучиться.

Алиса фыркнула так громко, что бармен, протиравший кружку, вздрогнул. Она оттолкнулась от двери и в два широких, размашистых шага оказалась рядом, нависая над Алексом. Она была выше его на полголовы и шире в плечах.

— Эстетика? — прошипела она, брызгая слюной. — Эстетика — это когда голова вожака катится в канаву до того, как он успевает пискнуть! Эстетика — это когда мы приходим в гильдию через час после получения контракта, а не когда на улице уже темнеет! Пока ты ставил свой вонючий театр теней, я стояла на стреме! В кустах! Меня три раза чуть не сожрали комары, а один раз — местный медведь, который прибежал на твой идиотский рев!

— Медведь добавил ситуации драматизма, — невозмутимо парировал Алекс, жестом подзывая регистратора. — И комары — это проблема твоего выбора точки обзора. Я предлагал тебе дуб.

— Я боевой маг, а не белка! — взорвалась Алиса. — Мне нужны твердь под ногами и прямая видимость!

Подошел дежурный по залу — тощий парень с прыщавым лицом и медной бляхой младшего писаря на шее. Он переводил испуганный взгляд с идеально спокойного лица Алекса на покрасневшее, злое лицо Алисы. В руках он сжимал пергаментный бланк отчета.

— Г-гильдия Зиро, — заикаясь, пролепетал он. — Контракт номер сорок четыре дробь двенадцать. Группа разбойников на Старом тракте. Статус... выполнен?

— Выполнен, — в один голос ответили напарники, после чего одновременно повернулись друг к другу.

— Я внесла основной вклад, — заявила Алиса. — Я вычислила их маршрут по примятой траве. Я вычислила их численность по количеству кострищ. Я стояла на страховке. Если бы твоя иллюзия дала сбой, мне пришлось бы вырезать их всех. Одной.

— Если бы твоя «страховка» не чавкала прошлогодними листьями, они бы нас услышали за милю, — процедил Алекс. — Основной вклад внес я. Я нейтрализовал угрозу. Без единого удара. Без единой капли крови на твоём любимом мече, между прочим. Гильдия просила «тихо». Я дал им «абсолютно бесшумно».

— Бесшумно?! — Алиса всплеснула руками. — Да твою иллюзию, наверное, в порту слышали! Я видела, как у того одноглазого глаза из орбит полезли!

— Это называется качественная проработка деталей, деревенщина! — Алекс повысил голос, и в нем прорезались стальные, высокомерные нотки. — Я работаю с материей разума! Это вершина магического искусства! А ты что делаешь? Замораживаешь лужи и швыряешься сосульками! Уровень деревенского ярмарочного фокусника!

— Ах ты, расфуфыренный индюк! — Алиса схватила со стойки тяжелую глиняную кружку, из которой пил предыдущий клиент, и замахнулась. — Да я тебя сейчас по этой самой материи разума так тресну, что ты забудешь, как колдовать! Будешь свои иллюзии языком показывать!

— Только попробуй, неотесанная амазонка, и я наложу на твой меч иллюзию гнилого сыра. Посмотрю, как ты запоешь, когда твои враги будут разбегаться от запаха!

Писарь тихо пискнул и попытался слиться со стеной, вжимая голову в плечи.

Именно в этот момент из-за ближайшего стола, где трое наемников пытались вправить вывихнутую после драки челюсть своему товарищу, раздался глубокий, усталый бас: — Опять эти голубки ссорятся.

Алекс и Алиса замерли. Кружка в руке Алисы застыла в дюйме от виска Алекса.

Говорил Борис.

Старый кузнец, переквалифицировавшийся в мастера рун, занимал собой половину тяжелого дубового стола. Его лысина блестела в свете сальных свечей, а огромная, поросшая черным волосом грудь была затянута в кожаный фартук, который, казалось, не стирали со времен основания гильдии. Он неторопливо обгладывал куриную ножку, и брызги жира летели прямо на его отчет по ковке.

Рядом с ним сидели еще двое: долговязый следопыт Марк, который пытался вытащить застрявшую в зубах кость с помощью кинжала, и Лира, штатная целительница гильдии, меланхолично полирующая свои склянки.

— Я ему говорю — эстетика, — продолжала жаловаться Алиса, даже не оборачиваясь к столу, но опуская руку с кружкой. — А он мне — про комаров.

— А я ей — про бесшумность, — зеркально повторил Алекс, поправляя манжету, которую едва не задела. — А она размахивает чужой посудой в общественном месте. Нас же могут не пустить.

— Вас не пустят, только если вы начнете швыряться фаерболами, — пробасил Борис, вытирая жирные руки о фартук. — А так — вы у нас главная достопримечательность, после протекающей крыши. Заходите, горе-любовники. Живо.

Марк наконец справился с костью, выплюнул ее на пол и поднял на них красные от недосыпа глаза. — Как сходили? — лениво протянул он. — Тракт-то хоть расчистили? А то я завтра с караваном иду. Не хотелось бы брюхо караванного вола на вилы поднимать.

— Расчистили, — буркнула Алиса, обходя Алекса и тяжело падая на скамью рядом с целительницей. Скамья жалобно скрипнула. — Можешь ехать. Только не по Старому тракту. Там теперь земля фонит. От страха. Алекс перестарался.

— Фонит от изыщества, — поправил ее Алекс. Он взял из рук остолбеневшего писаря пергамент, даже не взглянув на него, и небрежным, летящим почерком расписался в графе «Исполнители». — Двадцать три трупа. Ноль сопротивления. Гильдия должна выплатить премию за отсутствие порчи казенного имущества.

— Какого еще имущества? — не понял писарь.

— У разбойников были телеги, — терпеливо пояснил Алекс. — И лошади. Если бы Алиса пошла в лобовую атаку со своими сосульками, лошади бы понесли, телеги бы перевернулись, товар бы побился. Убытки. Я же оставил все в идеальном состоянии. Лошади сейчас, навер-

ное, мирно щиплют траву в паре миль отсюда, совершенно не помня пережитого ужаса. Это называется профессионализм.

Он положил пергамент обратно на стойку. Писарь дрожащими руками схватил его и тут же, спотыкаясь, убежал в заднюю комнату — сдавать отчет казначею, пока эти двое не передумали или не разнесли здание.

— Премию он хочет, — Алиса выхватила из миски на столе Бориса кусок черствого хлеба и с остервенением вгрызлась в него. — Лучше бы премию за скорость дали. Я есть хочу так, что готова лошадь сожрать. Сырую. А мы потеряли час на то, чтобы он расставил свои магические декорации.

— Искусство не терпит суеты, — Алекс сел напротив нее, грациозно закинув ногу на ногу. Он щелкнул пальцами, подзывая подавальщицу. — И принесите нам вина. Белого. Сухого. Из северных виноградников, урожая этого года. И сырную тарелку.

Подавальщица, дородная женщина с красным от кухонного жара лицом, остановилась как вкопанная, сжимая в руках поднос с пивом. — Какого еще северного? — прохрипела она. — У нас только кислое эльфийское в бочке и брага. Какая тарелка? Есть свиные ребра. Горелые.

— Тогда принесите эль, — вздохнул Алекс, страдальчески прикрывая глаза. — Но перелейте его в стеклянный бокал. Я не буду пить из этой деревянной... лаптя.

— Нету стеклянных! — рявкнула подавальщица. — Разбили вчера! Будете пить из кружки или не будете вообще!

— Будем, — быстро вмешалась Алиса, хватая Алекса за рукав, пока он не успел выдать очередную тираду о падении нравов. — Две кружки эля. И ведро ребер. И побыстрее, пока мой спутник не умер от культурного истощения.

Подавальщица фыркнула, обдав их запахом жареного лука, и утопала на кухню.

— Ведро ребер, — с тоской повторил Алекс, брезгливо отряхивая свой рукав в том месте, где за него схватилась Алиса. — Ты сведешь меня в могилу.

— Я сведу тебя в могилу, если ты еще раз назовешь мой меч «палкой для колки льда», — огрызнулась она, отбирая у Бориса вторую куриную ножку. Старик даже не заметил, слишком увлеченный своим отчетом. — Между прочим, это зачарованная сталь.

— Зачарованная на то, чтобы быть тяжелой и громкой? — Алекс достал из внутреннего кармана камзола белоснежный шелковый платок и промокнул губы, хотя они еще ничего не касалось. — Алиса, мы работаем вместе уже четвертый год. Неужели так сложно признать, что грубая сила — это метод вчерашнего дня?

— Неужели так сложно признать, что твои фокусы не работают против нежити, демонов и магов с антидотом? — Алиса ткнула в него обглоданной костью. — Против трех орков в тяжелой броне твоя «материя разума» даст тебе ровно полторы секунды, пока они до тебя добегут. А потом они сделают из тебя тонкий блин. И вот тогда в дело вступаю я. И мой «ярмарочный фокус» с сосулькой размером с твое самомнение.

— Твоя сосулька застрянет у него в зубах, — лениво протянул Алекс. — А я просто заставлю орка поверить, что он — прекрасная эльфийская дева. И пока он будет плакать и рвать на себе бороду, мы пройдем мимо. Это называется «тактическое преимущество».

— Это называется «трусость», — припечатала Алиса.

Борис тяжело вздохнул, откладывая пергамент. От его вздоха по столу прокатилась пустая кружка. — Заткнулись оба, — прогудел он, и его голос перекрыл гул таверны. — Вы не на арене.

Алекс и Алиса замолчали. Не потому, что испугались. Борис был им обоим как старый, ворчливый, но любимый дядька. Он был единственным человеком в гильдии Зиро, чье мнение имело для них вес.

Кузнец обвел их тяжелым взглядом из-под густых бровей. — Четвертый год, — повторил он слова Алекса. — Четвертый год вы грызетесь, как кошка с собакой. На заданиях, в казарме, за столом. Я помню, как вы познакомились. Ты, Алекс, тогда еще пафосно обозвал ее «куском мускулов с нехваткой серого вещества». А ты, Алиса, пообещала затолкать его кружевные манжеты ему же в глотку.

Алиса хмыкнула, но уголок ее губ дернулся вверх в улыбке. Алекс сделал вид, что крайне заинтересован пятном сажи на потолочной балке.

— С тех пор ничего не изменилось, — продолжил Борис. — Кроме того, что вы стали убивать быстрее. И громче орать. Я вас знаю лучше, чем вы сами себя. Алекс, ты — изнеженный ублюдок из Серебряного квартала, который сбежал от богатого папаша, потому что не хотел жениться на дочери герцога. Ты боишься грязи под ногтями больше, чем смерти.

— Это не грязь, это целебная глина с южных болот, — тихо буркнул Алекс. — И я не сбежал, я... отправился в духовное путешествие.

— Заткнись, — беззлобно отмахнулся Борис. — А ты, Алиса, — он перевел взгляд на девушку, — ты — сирота из Приграничья, которая зубами выгрызла себе место в этом мире. Ты считаешь, что любое слово длиннее трех слогов — это попытка тебя обмануть. Ты решаешь все проблемы ударом, потому что в детстве тебя некому было обнять.

Алиса перестала жевать. Ее челюсти сжались, а взгляд, направленный на столешницу, стал тяжелым.

— Но вот в чем фокус, дети мои, — Борис наклонился вперед, упираясь огромными ручищами в стол. — Вы — лучший дуэт гильдии. Вы — единственные, кто берется за контракты, от которых отказываются даже отряды из пяти человек. Вы прикрываете друг друга спины так, как не снилось родным братьям. Когда на Алису в Красных шахтах попер пещерный тролль, ты, Алекс, не стал ставить иллюзию танцующих бабочек. Ты швырнул ему в морду «Истинным ужасом» и держал его, пока эта бешеная не снесла ему башку. Ты тогда месяц заикался и пил успокоительный отвар.

— У тролля была очень выразительная слюна, — глухо сказал Алекс, глядя в свою будущую кружку с элем. — И пахло от него... смертью.

— А когда тебя, ваше высочество, прижали к стенке трое магов-отступников из «Черного пламени» за то, что ты слишком много знал, — Борис ткнул пальцем в сторону Алисы, — эта «кувалда» ворвалась в их ритуальный круг, разбила три защитных барьера плечом, получила два огненных шара в грудь и переломала им ноги их же собственным обсидиановым алтарем. Ты, Алиса, потом неделю валялась в лазарете у Лиры, а Алекс сидел у твоей койки и читал тебе вслух стихи, потому что знал, что от их ритма твоя регенерация ускоряется.

Алиса покраснела. Не от смущения, а от злости на саму себя за то, что этот факт вообще кому-то известен.

— Он читал мне их, чтобы я не откусила ему ухо, когда очнулась, — буркнула она. — Я была под обезболивающим.

— Неважно, — отрезал Борис. — Важно то, что вы — идеальная машина для убийства. Он — мозг, который видит на десять ходов вперед. Она — молот, который пробивает любую стену. Но стоит вам оказаться в безопасности, как вы начинаете мериться... вкладом.

В этот момент вернулась подавальщица. Она с грохотом бухнула на стол две тяжелые оловянные кружки, из которых шапкой поднималась пена, и с еще большим грохотом опустила огромное деревянное блюдо, с которого буквально сваливались обугленные свиные ребра.

— Ешьте, — сказал Борис, хватая ближайшую кость руками. — И чтобы до конца вечера я от вас слышал только чавканье.

Алекс посмотрел на свою кружку. Оловянная. С зазубренным краем. Внутри плавала какая-то подозрительная взвесь. Он перевел взгляд на блюдо с ребрами. Мясо было пережа-

рено до состояния угля, а соус, которым оно было полито, подозрительно напоминал машинное масло.

Алекс взял кружку двумя пальцами, словно это была ядовитая змея. Поднес к идеально очерченным губам. Закрыв глаза.

Алиса, уже успевшая схватить ребро, замерла с занесенной над блюдом рукой. Она знала этот взгляд.

Алекс сделал крошечный глоток. Его кадык дернулся. Он медленно, с достоинством, опустил кружку на стол.

— Это не эль, — произнес он звенящим от сдерживаемой ярости шепотом. — Это... моча больного тролля, в которой утопили дохлую крысу.

— Пей, аристократ, — ухмыльнулась Алиса, с громким хрустом перегрызая кость пополам. — Тебе нужно промочить горло после долгой дороги.

— Я не буду это пить, — Алекс отодвинул кружку. — Я скорее умру от обезвоживания.

— Как хочешь, — пожала плечами Алиса, вытирая жирные руки о его край плаща, который он по неосторожности перекинул через спинку скамьи. — Мне больше достанется.

— Ты... — Алекс осекся, глядя на темное жирное пятно на своем серебристом камзоле. — Ты только что испортила вещь стоимостью в пять твоих годовых гонораров.

— Зато теперь она выглядит более по-человечески, — оскалилась Алиса, запихивая в рот следующий кусок мяса. — А то ходишь, как ходячее надгробие.

Борис тяжело вздохнул, обгладывая кость. Марк за соседним столом начал делать ставки с Лирой, чем закончится этот раз: швырнет ли Алекс в нее заклинанием или просто расплачется.

Алекс медленно выдохнул. Он посмотрел на Алису. На ее перепачканное в саже и жире лицо, на растрепанную косу, в которой застряли сухие листья, на ее мощные руки, уверенно держащие кость, как кинжал. Она была абсолютно, первобытно счастлива в этот момент. Она жевала горелое мясо, запивала его дрянным элем и чувствовала себя живой.

Он ненавидел ее. Всем своим утонченным, воспитанным на классической музыке и поэзии сердцем. Ненавидел за ее манеры, за ее запах, за ее смех, похожий на треск ломаемого дерева.

— Ты использовала мой плащ как салфетку, — тихо, почти ласково сказал он.

— Ага, — кивнула она, хрустя. — Очень удобно.

Алекс протянул руку над столом. Его пальцы, униженные тонкими серебряными перстнями, замерли в дюйме от ее лица.

— Слижи, — так же ласково предложил он.

Алиса замерла. Ее челюсти остановились на полпути. Она медленно повернула голову и посмотрела на него снизу вверх. В ее серых глазах вспыхнул опасный огонек.

— Что ты сказал? — переспросила она, и ее голос стал опасно тихим.

— Слижи жир с моего плаща, — повторил Алекс, и уголок его рта дернулся в усмешке. — Раз уж он теперь выполняет функции твоей салфетки. У тебя же такой... рабочий рот. Справишься.

Алиса медленно положила кость на блюдо. Встала. Скамья с облегчением скрипнула. Она была выше его, шире и сейчас нависала над ним, как грозовая туча.

— Ты нарываешься, — прошипела она.

— Я констатирую факт, — Алекс остался сидеть, лишь слегка запрокинул голову, чтобы смотреть ей в глаза. Он демонстративно медленно расстегнул верхнюю пуговицу своего камзола. — Или ты признаешь, что твоя тактика «влететь с мечом наперевес» — это уровень деревенского вышибалы, и извиняешься.

— Я тебя сейчас в окно выкину, — пообещала Алиса. — Вместе с твоим плащом.

— Попробуй, — в тон ей ответил Алекс. — Но учти, я наложу на тебя иллюзию абсолютной наготы. Прямо посреди зала. И ты будешь идти через всю таверну, а эти милые люди будут показывать на тебя пальцем и смеяться.

Они стояли друг напротив друга, разделенные столом с горой обглоданных костей. Ненависть в воздухе стала почти осязаемой, густой, как похлебка на местной кухне. Казалось, еще секунда — и таверна «Ржавый клинок» лишится либо одного окна, либо одного боевого мага.

— Опять эти голубки ссорятся, — снова пробасил Борис, не отрываясь от ребер. — Сядь, девка. Не позорься. Он специально тебя дразнит, потому что у него закончились аргументы, а признавать, что ты сожрала его порцию, он не хочет.

Алиса моргнула. Фокус ее ярости сместился. Она посмотрела на блюдо. Действительно, горелых ребер там осталось преступно мало, и большая часть из них сейчас украшала ее подбородок.

Она тяжело опустилась обратно на скамью. Дерево снова застонало.

— Ты невыносим, — выдохнула она, снова хватая кость.

— А ты пахнешь костром и мокрой псиной, — любезно отозвался Алекс, застегивая пуговицу обратно. — Но твой аппетит впечатляет. Подвинь блюдо.

— Еще чего, — фыркнула она, но подвинула.

Алекс брезгливо, двумя пальцами, взял одно уцелевшее ребро. Он держал его так, словно это была ядовитая змея.

— У тебя есть нож? — спросил он.

— Чтобы ты не испачкал свои холеные пальчики? — съязвила Алиса.

— Чтобы я мог это прожевать, — холодно ответил он. — Я не собираюсь рвать мясо зубами, как животное.

Алиса молча вытащила из-за голенища сапога свой боевой кинжал — широкий, зазубренный, с рукоятью, обмотанной потертой кожей. Она воткнула его в стол прямо между ними.

— Режь, — буркнула она.

Алекс посмотрел на кинжал, потом на нее. На его лице отразилась внутренняя борьба. Взять в руки это оружие мясника было выше его сил.

Он вздохнул. Поднял глаза к закопченному потолку, словно прося у богов терпения.

— Гильдия Зиро, — пробормотал он себе под нос. — Приют для буйнопомешанных.

— Ешь, — Алиса толкнула к нему блюдо. — И скажи спасибо, что я вообще с тобой разговариваю после того, как ты заставил тех бандитов обмочиться.

— Они не обмочились, — с достоинством поправил ее Алекс, аккуратно отламывая маленький кусочек мяса. — Это была иллюзия проливного дождя. Я же говорил — проработка деталей.

Он положил мясо в рот. Его челюсти работали с механической, аристократической точностью. Он жевал медленно, с достоинством, прикрыв глаза, словно дегустировал редкий деликатес в королевском дворце.

Алиса смотрела на него, жуя свою порцию с громким чавканьем, и чувствовала, как внутри поднимается странная, иррациональная волна тепла.

Она ненавидела его. Ненавидела за его ухмылки, за его высокомерие, за то, что он спит на белоснежных простынях даже в походных шатрах, которые сам же и материализует.

Но он сидел здесь. В таверне, пропахшей луком, и пытался есть горелое мясо серебряным десертным ножом, который только что материализовал прямо из воздуха, потому что ее кинжал был «недостаточно чист». Он сидел здесь, вместо того чтобы сейчас пить дорогое вино в своем родовом поместье. Ради контрактов гильдии Зиро. Ради нее.

— Твоя иллюзия дождя, — внезапно сказала она, вытирая рот тыльной стороной ладони, — была слишком холодной. У того коротышки в шапке зуб на зуб не попадал. Я видела.

Алекс замер с куском мяса на вилке.

— Ты видела? — переспросил он. — Ты же стояла в кустах. В трехстах метрах.

— У меня зрение хорошее, — пожала плечами Алиса. — И я следила за периметром. В отличие от некоторых, кто любовался своей работой.

— Я контролировал структуру плетения, — оскорбился Алекс. — Если бы я отвлекся, один из них мог бы выйти из транса. И тогда твоя «страховка» действительно бы понадобилась.

— То есть, признаешь, что я полезная? — прищурилась она.

— Я признаю, что ты — громоздкий, шумный, но необходимый противовес, — кивнул Алекс, наконец прожевав. — Как якорь у корабля. Без тебя меня бы унесло в заоблачные выси собственного гения.

— А без тебя я бы давно получила стрелу в колено и спилась в какой-нибудь канаве, — буркнула Алиса, откидываясь на спинку скамьи. Она чувствовала, как сытость и тепло эля делают ее тяжелой и ленивой. — Потому что я бы просто забыла проверить те кусты слева.

— Вот именно, — Алекс отложил нож. Мясо он так и не доел, но, кажется, немного подобрел. — Мы — система. Уродливая, скрипящая, но работающая.

— Мы — катастрофа, — сонно возразила Алиса, прикрывая глаза. — Ходячая.

Борис допил свой эль, крикнул и поднялся. Его огромная тень накрыла их стол.

— Катастрофа, которая завтра в шесть утра выдвигается к Разлому Ветров, — прогудел он. — Контракт на сопровождение архива Академии.

Алекс мгновенно выпрямился. Его сонливость как рукой сняло. — Разлом Ветров? — переспросил он с плохо скрываемым отвращением. — Там же песок. Везде песок. Он забивается в обувь, в волосы, в душу.

— А еще там песчаные бури, — подхватила Алиса, открывая глаза. В них уже плясал азарт. — И огненные скорпионы. И мародеры из Пепельных пустошей.

— Я ненавижу песок, — повторил Алекс.

— А я ненавижу архивы, — сказала Алиса. — Там пыльно. И книжные черви.

— Вы будете охранять караван с древними свитками от мародеров, которые хотят пустить их на самокрутки, — отрезал Борис. — Выдвигаетесь с первым светом. Гильдия Зиро уже взяла задаток.

Он развернулся и, тяжело ступая, пошел к выходу, расталкивая плечами подвыпивших наемников.

Алекс и Алиса остались сидеть в тишине. Слышно было только, как за соседним столом Марк пытается доказать Лире, что «Истинный ужас» — это читерство.

Алекс посмотрел на свою недопитую кружку с «троллей мочой». Потом на Алису. Она уже почти спала, откинув голову назад, ее мощная шея была расслаблена, а на щеке красовалось пятно от мясного соуса.

— Песок, — с тоской произнес Алекс в пустоту.

— Скорпионы, — сквозь дрему отозвалась Алиса.

— Ты опять наденешь свои жуткие стальные сапоги со шпорами, которые звенят на всю пустыню и распугают нам всю засаду, — сказал он.

— А ты опять возьмешь с собой три смены шелкового белья и будешь ныть, что шелк натирает, — не открывая глаз, парировала она.

Алекс посмотрел на жирное пятно на своем плаще. На свой испачканный камзол. На свою жизнь.

— Я тебя ненавижу, Алиса, — тихо, почти беззлобно сказал он.

— Я тебя тоже, придурок, — улыбнулась она во сне.

Алекс вздохнул. Он щелкнул пальцами, материализуя над ее головой небольшое, мягкое заклинание «Полог тишины», чтобы храп, который вот-вот должен был начаться, не распугал остатки посетителей. Затем он подозвал подавальщицу.

— У вас есть комната? — спросил он. — Одна. С двумя кроватями. И я заплачу золотом, если вы найдете где-нибудь ведро чистой воды и кусок мыла. Мне нужно отмыть плащ. Иначе я не вынесу завтрашнего дня.

— Одна комната? — подавальщица хитро прищурилась, переводя взгляд со спящей великанши на изящного мага. — С двумя кроватями? Ага. Как скажете, господин.

— И не вздумайте подселить к нам кого-нибудь, — добавил Алекс. — Иначе моя спутница проснется в плохом настроении. А когда она в плохом настроении, у людей случайно отваливаются головы.

Он бросил на стол несколько тяжелых золотых монет. Подавальщица сгребла их мгновенно, и ее ухмылка стала гораздо почтительнее.

Алекс посмотрел на Алису. На этого невозможного, грубого, немытого боевого мага.

Завтра их ждал песок, скорпионы и, скорее всего, очередная грандиозная ссора посреди барханов.

Он улыбнулся уголком рта.

— Идеальный дуэт, — пробормотал он, поднимаясь, чтобы взять ее на руки и отнести в комнату. Она весила как взрослый вепрь, но он был слишком хорошо воспитан, чтобы позволить леди — пусть даже такой дикой — спать за общим столом.

И, пожалуй, он даже не стал бы накладывать на нее иллюзию наготы посреди таверны. По крайней мере, не сегодня. У него было хорошее настроение. А хороший вкус требовал, чтобы подобные представления проходили на более... изысканной публике.

Глава 2. Заказ на «Черную вдову»

Кабинет гильдмастера Зиро пах старой бумагой, пылью и дешевым табаком. В отличие от общего зала, где царил хаос пьяных наемников и звона стали, здесь властвовала бюрократия. Стены от пола до потолка были заставлены стеллажами, на которых теснились пухлые папки, свитки, перевязанные гнилыми веревками, и стопки неоплаченных векселей. В центре этого бумажного кладбища стоял массивный стол из мореного дуба, заваленный так, что самого дерева почти не было видно.

За столом сидел человек, которого звали просто — Мастер. Никто не знал его настоящего имени, и никто не рисковал спрашивать. Это был высохший старик с кожей, похожей на пергамент, и глазами цвета заиндевевшего стекла. Он не носил доспехов, не держал на поясе оружия, но его боялись больше, чем демонов из Бездны. Он был мозгом гильдии Зиро. Тем, кто превращал хаос наемничьей вольницы в отлаженный, смертоносный механизм.

Алекс сидел в единственном в кабинете мягком кресле, закинув ногу на ногу, и с плохо скрываемым отвращением рассматривал свои ногти.

Алиса стояла, прислонившись плечом к дверному косяку. Она скрестила руки на груди, переминаясь с пятки на носок своих тяжелых сапог, и оставляла на идеально натертом паркете влажные следы.

— Вы опоздали на семь минут, — проскрипел Мастер, не поднимая головы от документа, который он изучал через толстую лупу в серебряной оправе. — Это непунктуально.

— Мы задержались, потому что моя спутница решила устроить дегустацию местного скота, — ровным голосом ответил Алекс, не меняя позы. — Ей показалось, что один из баранов смотрел на нее недостаточно почтительно. Пришлось вправлять челюсти животному. И, кажется, владельцу.

— Я просто пнула его, — буркнула Алиса, не открывая глаз. — Один раз. Он сам упал в грязь. И баран был вкусный.

Мастер медленно отложил лупу. Его выцветшие глаза поднялись и прошли по дуэту. Взгляд задержался на жирном пятне на камзоле Алекса, которое Алиса вчера так и не оттерла, и на свежей подпалине на рукаве ее кожаного дублета.

— Вы — самый прибыльный актив гильдии, — сказал Мастер. Его голос был лишен эмоций, как скрежет ножа по стеклу. — И самый проблемный. Если бы я мог, я бы сдал вас обоих в аренду Королевской службе очистки выгребных ям. Но заказы не ждут.

Он выдвинул верхний ящик стола. Звук дерева, скользящего по дереву, в мертвой тишине кабинета прозвучал как выстрел. Мастер достал тонкую папку из черной кожи. На ней не было ни номера, ни печати. Только тисненый серебряный символ — паук, заключенный в разорванный круг.

— «Черная вдова», — Мастер положил папку на стол и толкнул ее к Алексу.

Алекс наклонился вперед. Его врожденное любопытство и тщеславие взяли верх над безразличностью. Он открыл папку. Внутри лежал всего один лист плотной бумаги и миниатюра, нарисованная углем.

С миниатюры на него смотрела женщина. Красивая той хищной, порочной красотой, от которой пересыхает в горле. Длинные черные волосы, бледная кожа, тонкие губы, изогнутые в вечной усмешке. Но глаза... Глаза на рисунке были пустыми провалами, залитыми чернилами.

— Магистр Иллюзий четвертого ранга, — начал читать Алекс вслух, его голос стал глубже и серьезнее. — Специализация — ментальная деструкция, пространственные ловушки, эмпатическая резня. Настоящее имя неизвестно. Последний раз замечена в Академии Высокой Магии десять лет назад, после чего устроила взрыв в лаборатории экспериментальной алхимии. Погибли трое магистров.

— Она не просто магистр, — перебил Мастер. — Она — гений. Психопатичный, но гений. Она не убивает ради денег. Она убивает ради... композиции. Каждая ее жертва — это часть картины. В южных провинциях, на границе с Пепельными пустошами, начали пропадать деревни. Не вымирать от чумы, не сгорать. Просто исчезать. Люди уходят спать в свои дома, а утром на месте деревни — пустая площадь. Дома открыты, еда на столах, скот в хлевах. Но ни одной живой души.

Алиса отлепилась от косяка и шагнула ближе. Ее хорошее настроение после баранины и эля испарилось, сменившись профессиональным холодом.

— Иллюзия массового переноса? — спросила она. — Или пространственный карман?

— Хуже, — Мастер сцепил сухие пальцы в замок. — Выживших нет. Кроме одного. Пастух, который ночевал в поле со стадом. Когда он вернулся на рассвете, деревня была пуста. Он сошел с ума. Он сидит в камере городской стражи Южного тракта и смеется. Стража говорит, что его смех звучит так, будто кто-то царапает стекло изнутри его черепа. Перед тем как окончательно рехнуться, он успел сказать только одно: «Она заставила их танцевать».

Алекс побледнел. Даже Алиса, обычно не склонная к рефлексии, медленно выпрямилась.

— Танцевать... — повторил Алекс. — Массовый контроль. Но не сон, не паралич. Активное действие. Чтобы заставить сотни людей синхронно двигаться, не причиняя друг другу вреда, до самого истощения... Это требует колоссального канала маны. Или невероятно изящного плетения.

— Она использует их страх, — сказал Мастер. — Она вплетает его в структуру заклинания. Чем больше они боятся, тем легче ими управлять. Она пьет их ужас, как вино.

— «Черная вдова», — Алекс откинулся на спинку кресла. — Мило. И претенциозно.

— Это не прозвище, — холодно уточнил Мастер. — Это ее подпись. В каждой деревне, перед тем как забрать людей, она оставляет одну улику. Черную шелковую розу. На подушке старосты. В колыбели младенца. На алтаре местной часовни.

Мастер открыл папку чуть шире и достал оттуда маленький бархатный мешочек. Он вытряхнул на ладонь искусственную розу. Ткань была настолько черной, что казалось, она поглощает свет свечей в кабинете.

— Она играет с нами, — продолжил гильдмастер. — Она знает, что гильдия Зиро возьмет контракт. Она хочет достойного противника.

— Или она хочет новых игрушек для своего театра, — глухо произнесла Алиса.

— Ваша задача, — Мастер проигнорировал ее реплику, — найти ее. Остановить. Гильдия дает статус «Живой или мертвой, но желательно живой». Совет Магов платит в три раза больше, если вы доставите ее разум нетронутым. Они хотят знать, как она это делает.

— Я возьмусь, — Алекс подался вперед. Его глаза азартно блеснули. — Это вызов. Ментальный конструктор такого уровня... Если я смогу не просто разрушить его, а перехватить управление, обратить ее же оружие против нее... Это поднимет меня в Рейтинге Свободных Клинков. Я могу войти в первую десятку.

Алиса фыркнула. Звук был похож на то, как ломается сухая ветка.

— Ты? — она оттолкнулась от стены и подошла к столу, нависая над Алексом. — Твой хваленый разум расплавится, как свеча, если она просто посмотрит на тебя чуть дольше пяти секунд. Ты видел, как ты вчера возился с семнадцатью деревенщинами? Ты ставил декорации, пока я дышала пылью в кустах. «Черная вдова» — это не семнадцать пьяных дураков. Это мясорубка для таких, как ты, самовлюбленных павлинов.

— По крайней мере, я не пытаюсь решить проблему, разбивая ей лицо кулаком, — Алекс не остался в долгу, его голос стал ледяным. — Твоя тактика «ударить посильнее» закончится тем, что она превратит твой мозг в кашу, а ты даже не поймешь, что уже умерла.

— Зато я умру быстро, — Алиса оскалилась. — А ты будешь лежать в луже собственной мочи, распевая ей любовные сонеты, потому что она прикажет тебе любить ее до последнего вздоха.

— Довольно, — слово Мастера ударило по ним, как хлыст.

Оба замолчали. Их плечи все еще были напряжены, а взгляды метали молнии, но они закрыли рты.

— Вы едете вместе, — отрезал Мастер. — Я не дам вам других людей. Вы — дуэт. Вы ненавидите друг друга, но вы — идеальное оружие. Он — щит, который она не сможет пробить с первого удара. Она — меч, который отрубит ей голову, пока она будет играть с его разумом.

— Я не щит, — процедил Алекс. — Я — скальпель.

— А я не мясник, — процедила Алиса. — Я — таран.

— Мне плевать, кем вы себя считаете, — Мастер встал. Он оказался неожиданно высоким, хотя и сутулился над столом. — Вы выезжаете через час. Южный тракт. Верхом. И если я увижу, что вы повернули назад из-за очередной ссоры о том, кто кого недолюбил в прошлой жизни, я лично вырву вам сердца и скормлю их гончим гильдии. Вопросы?

Вопросов не было.

Южный тракт встретил их осенней грязью и пронизывающим ветром.

Небо затянуло низкими, свинцовыми тучами, которые, казалось, цеплялись за верхушки редких, чахлах деревьев. Дорога, размытая недавними дождями, превратилась в вязкое болото. Копыта их лошадей чавкали с таким звуком, будто пытались оторвать куски от самой земли.

Алекс ехал на высоком белом жеребце по кличке Зефир. Конь был под стать хозяину — породистый, нервный, с длинной гривой, заплетенной в сложную косу с серебряными бусинами. Сам Алекс кутался в тяжелый дорожный плащ с меховым подбоем, надвинув капюшон так низко, что видны были только его плотно сжатые губы.

— Если эта тварь испачкает мне копыта, я скормлю ее волкам, — процедил он, глядя, как очередная порция грязи летит из-под копыт Зефира прямо на его сапог.

— Купи себе осла, — бросила через плечо Алиса. — Ему грязь к лицу.

Ее кобыла, которую звали просто Кляча (Алиса принципиально отказывалась давать животным пафосные имена), была полной противоположностью Зефиру. Массивная, мышастой масти, с широкой спиной и квадратной мордой. Она не шла, а плыла по грязи, ее широкие копыта не вязли, а уверенно находили опору. На Кляче не было ни единого украшения, только потертая кожаная сбруя и притороченные к седлу сумки, из которых торчала рукоять боевого топора.

— Ты едешь слишком быстро, — пожаловался Алекс, заставляя Зефира нервно перебирать ногами на месте. — Твоя зверюга поднимает тучи брызг. Моя амуниция не рассчитана на осадки из навоза.

— Мы потеряем два дня, если я буду плестись со скоростью твоей похоронной процессии, — огрызнулась Алиса. — До Южного тракта еще сорок миль. А «Вдова» не сидит на месте.

— Я могу открыть портал, — напомнил Алекс. — Прямо отсюда в предместья Южного. Это сэкономит нам время и... чистоту.

Алиса резко натянула поводья. Кляча послушно остановилась, фыркнув и выпустив из ноздрей облачко пара.

— Даже не думай, — ее голос стал опасно тихим.

— Почему? — искренне удивился Алекс. — Это чистая магия. Никакой грязи.

— Потому что пространственная магия фонит, — Алиса развернула лошадь, подъезжая к нему вплотную. Ее лицо, обычно грубое и открытое, сейчас было серьезным и злым. — Ты откроешь дыру в ткани реальности посреди тракта. Любой маг в радиусе десяти миль

это почувствует. А «Черная вдова» — не любой маг. Она — паук, Алекс. Она сидит в центре паутины. И эта паутина — вся южная провинция. Ты дернешь за ниточку своим порталом, и она узнает о нас раньше, чем мы увидим первый указатель на тракте. Она придет к нам сама. На своих условиях.

Алекс открыл было рот, чтобы возразить, что его порталы «элегантны и незаметны», но посмотрел в ее стальные глаза и промолчал. Он ненавидел признавать ее правоту, но в вопросах грубой тактики выживания Алисе не было равных.

— Хорошо, — процедил он. — Мы будем ехать. Медленно. Грязно. И вонюче.

— Вот и славно, — Алиса ударила пятками в бока Клячи, и та снова двинулась вперед, поднимая новую волну коричневой жижи.

Следующие несколько часов прошли в напряженном молчании. Они миновали сожженную дотла придорожную таверну — черные остовы балок торчали из земли, как гнилые зубы. Воздух здесь все еще пах гарью и сладковатым смрадом гниющего мяса.

— Неделю назад, — нарушила тишину Алиса, не оборачиваясь. — Гильдия отправляла сюда патруль. Трое рейнджеров. Опытные.

— И? — Алекс плотнее запахнул плащ. Ему казалось, что из обгоревших руин на него смотрят.

— Нашли только их лошадей. Привязанными к столбу. А сами рейнджеры... — Алиса помолчала. — Они висели на деревьях. За ребра. Крючьями для мяса. И все улыбались.

Алекс сглотнул. Его аристократическая бледность стала почти прозрачной.

— Иллюзия, — хрипло сказал он. — Она заставила их улыбаться. Даже когда крючья рвали плоть.

— Она играет, — повторила слова Мастера Алиса. — И мы едем прямо в ее гостиную.

К вечеру они углубились в Лес Шепотов. Название было не просто красивым эпитетом. Деревья здесь росли так плотно, что их кроны сплетались в единый черный купол, не пропускающий даже лунный свет. Ветер застревал в ветвях, и от этого казалось, что стволы действительно шепчутся на каком-то древнем, мертвом языке.

Они нашли небольшую поляну, окруженную зарослями колючего терновника. Идеальное место для ночлега — скрытое, с единственным узким проходом, который легко оборонять.

— Слезай, — скомандовала Алиса. — Нужно проверить землю.

Алекс с видимым облегчением спрыгнул с Зефира. Его ноги, привыкшие к ровным полам балльных залов, затекли от долгой скачки. Он начал разминать колени, брезгливо глядя на свои забрызганные грязью бриджи.

— Я наложу «Круг покоя», — сказал он. — Отпугнет мелкую нечисть и согреет.

— Накладывай, — кивнула Алиса, уже спрыгнув на землю. — Но сначала я сама проверю периметр. Твой «Круг покоя» светится в магическом зрении, как маяк. Если «Вдова» решит навестить нас ночью, она придет именно на этот свет.

Она сбросила сумки на землю и, достав короткий клинок, начала обходить поляну по спирали, двигаясь абсолютно бесшумно, несмотря на свои тяжелые сапоги. Она приседала, принохивалась, иногда касалась пальцами мха на стволах.

Алекс закатил глаза. — Паранойя, — пробормотал он, но все же сел на поваленное дерево и начал плести заклинание.

Его магия была визуальной. Воздух вокруг поляны задрожал, становясь золотистым и теплым. Исчез сырой запах прелых листьев, сменившись ароматом сухих трав и нагретого камня. С веток перестал капать конденсат. Это был не просто защитный контур — это был оазис комфорта посреди враждебного леса.

— Готово, — Алекс щелкнул пальцами, и по границе терновника пробежала тонкая, едва заметная нить золотого света. — Теперь нас не побеспокоят ни волки, ни комары. Можешь снимать свои доспехи.

Алиса закончила обход и вернулась к центру поляны. Она проигнорировала его предложение.

— Здесь были люди, — сказала она, вытирая нож о штанину. — Недавно. Дня два назад. Сломанная ветка на высоте человеческого роста. След от кострища, который пытались затереть, но не учли, что зола уходит вглубь мха.

— Беженцы? — предположил Алекс, доставая из седельной сумки свернутое шелковое одеяло.

— Или приманка, — отрезала Алиса. — Спи в доспехах.

— Я не сплю в доспехах, — Алекс начал расстегивать пряжки на камзоле. — Это вредно для кровообращения. К тому же, внутри «Круга» абсолютно безопасно.

— Безопасно, пока ты контролируешь ману, — Алиса села на землю, скрестив ноги, и начала точить свой топор о камень с монотонным, скрежещущим звуком. *Шииирк. Шииирк.* — А ты вымотан. Твоя иллюзия с драконом выжрала из тебя треть резерва. Твой портал, который ты предлагал, сожрал бы еще четверть. Ты сейчас светишься, как свеча на ветру. Одно резкое движение, и твой «Круг» схлопнется. Или, что еще хуже, исказится. И мы проснемся в Бездне.

— Твое доверие к моим навыкам просто безгранично, — язвительно протянул Алекс, оставшись в одной тонкой льняной рубашке. Он расстелил одеяло на относительно чистом пятнышке мха.

— Я доверяю твоим навыкам ровно настолько, насколько ты сам себе доверяешь, — Алиса закончила с топором и убрала его в петлю на поясе. — А ты — самовлюбленный идиот.

Она достала свой спальник. Это был не изящный кокон, а тяжелое, сшитое из нескольких слоев воловьей кожи и промасленного войлока чудовище. Она бросила его на землю в десяти шагах от спальника Алекса, прямо на жесткие корни старого дуба.

— Я буду там, — она ткнула пальцем в свой спальник. — А ты здесь.

— Я заметил, — Алекс лег на спину, закинув руки за голову. Звезд сквозь кроны видно не было. — Что за театральный жест? Боишься, что я во сне случайно наложу на тебя иллюзию розового платя?

— Я боюсь, что во сне ты начнешь бредить, — Алиса легла, не снимая сапог, только расшнуровав их. — Твои кошмары звучат слишком громко. А я хочу выспаться перед тем, как завтра какая-нибудь тварь попытается откусить мне лицо.

— Мои кошмары — это произведения искусства, — фыркнул Алекс, закрывая глаза. — Тебе бы понравилось. Там много струящейся крови и античной трагедии.

— Там много твоего визга, — парировала она.

Они лежали в темноте. «Круг покоя» мягко пульсировал золотым светом где-то на периферии зрения. В лесу больше не было слышно шорохов — магия Алекса надежно отсекла их от внешнего мира. Тепло и относительная чистота после целого дня в грязи делали свое дело: веки наливались свинцом.

Алекс уже начал проваливаться в дрему, когда услышал тихий, ритмичный звук. *Вжик. Вжик.*

Он приоткрыл один глаз.

Алиса сидела в своем спальнике. Она вытащила свой кинжал и теперь методично, с маниакальной точностью, правила лезвие о камень. В абсолютной тишине зачарованного круга этот звук казался скрежетом железа по стеклу.

— Алиса, — сонно позвал Алекс. — Прекрати. Этот звук оскорбляет мой слух.

— *Вжик*, — ответила она, не отрываясь от дела.

— Я не смогу уснуть.

— Спи быстрее, — она перевернула кинжал и начала точить другую сторону. — Тогда я закончу.

Алекс попытался сосредоточиться на дыхании. Он применил простенькую ментальную технику успокоения, которой учили в Академии. Но ритм *вжик-вжик* пробивался сквозь любые барьеры.

— Ты точишь его уже полчаса, — простонал он. — Лезвие давно стало атомарным. Если ты чихнешь, оно разрежет воздух.

— Я люблю, когда мой топор острый, — отозвалась она. — А еще я люблю, когда люди, которые меня раздражают, молчат.

— Это дискриминация по признаку превосходства интеллекта! — возмутился Алекс.

— Это звукоизоляция, — Алиса наконец убрала кинжал. Но вместо того чтобы лечь, она начала что-то делать руками.

Алекс приподнялся на локте. В сумраке «Круга» он видел ее силуэт. Она сидела, выпрямив спину, и ее ладони медленно двигались в воздухе, словно она месила невидимое тесто.

— Что ты творишь? — насторожился Алекс. — Если ты призываешь элементаря земли, чтобы он меня задушил, учти — мой страховый полис выписан на имя гильдии. У тебя будут проблемы с выплатами.

Алиса не ответила. Пространство между их спальниками начало меняться. Воздух потемнел. Золотой свет «Круга покоя» не мог пробиться сквозь сгущающуюся мглу. Это не была обычная темнота ночи. Это была Тьма. Густая, бархатная, осязаемая. Она вытягивалась из земли, из теней под корнями, сплетаясь в плотную, абсолютно непроницаемую стену прямо посередине поляны.

Стена разделила их. Теперь они лежали в двух отдельных пузырях света, а между ними стояла монолитная черная плита.

— Это «Шепот Полночи», — голос Алисы прозвучал глухо, как из колодца. — Базовая техника Пограничья. Блокирует звук, свет и... твоё нытьё.

— Ты... — Алекс задохнулся от возмущения. — Ты разорвала мой «Круг»?! Это нарушение целостности плетения! Ты понимаешь, что теперь защитный периметр нестабилен?!

— Твой круг цел, — донеслось из-за стены. — Я просто задернула штору. Спи, принцесса.

Алекс остался сидеть. Он смотрел на стену абсолютной тьмы. Его магическое зрение показывало, что стена — это невероятно плотный клубок теневой магии. Не агрессивной, не боевой. Просто... изолирующей.

Он слышал, как за стеной тяжело вздохнула Алиса, как заскрипела кожа ее спальника, когда она устраивалась поудобнее. А потом наступила тишина. Идеальная, мертвая тишина.

Алекс лег. Он смотрел в низкий купол своего светового пузыря. Ему было обидно. Унизительно. Его, магистра ментальной магии, способного подчинять волю армий, заставила замолчать какая-то лесная дикарка, построив между ними стену из чернил.

Но было и кое-что еще.

В тишине, без раздражающего скрежета стали и без необходимости поддерживать светскую беседу, лес показался ему гораздо страшнее. Шепот деревьев, который раньше глушила магия, теперь казался совсем близким. Словно стволы склонились прямо над его спальником.

— Алиса, — тихо позвал он.

Ответа не последовало. Стена тьмы работала в обе стороны.

— Алиса! Я знаю, что ты не спишь. Я чувствую твой пульс. Он слишком ровный для спящего.

Тишина.

Алекс выругался про себя. Он попытался дотянуться до нее тонким щупом эмпатии — прошупать ее эмоции сквозь стену. Но «Шепот Полночи» блокировал и это. Стена была мертвой зоной.

Он остался один. В золотой клетке собственного производства, запертый наедине с мыслями и шепчущим лесом.

— Ненавижу, — прошептал он в темноту.

Но это была уже не та яркая, азартная ненависть, которую он испытывал к ней днем. Это было что-то глухое, тяжелое и... пугающе привычное.

Он закрыл глаза, натянул одеяло до самого носа и попытался уснуть, стараясь не думать о том, что «Черная вдова» может быть где-то совсем рядом, и единственное, что отделяет его от ее безумия — это стена из тьмы, сотканная руками женщины, которую он презирал.

Утро началось с запаха гари.

Алекс проснулся от того, что стало холодно. «Круг покоя» исчез. Золотистое свечение погасло, и теперь его спальник покрывал густой слой утренней росы. Он сел, дрожа, и первым делом посмотрел на стену.

Стены не было.

Поляна была на месте. Дуб, корни, сломанная ветка, о которой говорила Алиса. Но пространство между их стоянками было абсолютно пустым.

Алисы тоже не было.

— Только не говорите мне, что ее съели, — пробормотал Алекс, выбираясь из спальника. Его зубы стучали.

— Не дожدهшься, — раздался голос откуда-то сверху.

Алекс задрал голову. Алиса сидела на толстой ветке дуба, который рос на краю поляны. В десяти метрах от земли. Она жевала вяленое мясо, болтая ногами, обутыми в те же грязные сапоги.

— Какого демона ты там делаешь? — возмутился Алекс, ежась от холода.

— Разведка, — лаконично ответила она, сплевывая вниз кусочек жилы. — И мне не мешали спать всякие избалованные мальчики. Отличная стена, кстати. Держит форму до рассвета без подпитки. У тебя «Круг» выдохся в четыре утра. Если бы не моя паранойя, нас бы уже доедали пикси.

— Пикси — это не «Черная вдова», — огрызнулся Алекс, начиная собирать вещи. Его пальцы не слушались от холода.

— Пикси выедают печень через нос, — пожала плечами Алиса. — Результат один. Слеза. Нужно проверить деревню в трех милях отсюда. Кажется, там слишком тихо для утра.

Алекс посмотрел на свой измятый, влажный камзол, на грязные сапоги, на голые ветки леса, и волна глухого отчаяния поднялась в его груди.

— Я ненавижу свою жизнь, — честно признался он.

— Купи домик в пригороде, — крикнула сверху Алиса, ловко спускаясь по стволу с ловкостью белки. — Женись на дочке пекаря. Пеки булочки.

Она спрыгнула на землю, подняв облачко прелых листьев. Подошла к нему, вытирая руки о кожаные штаны.

— Но ты не купишь, — она оказалась совсем близко, и Алекс уловил запах ее кожи: дым, железо и что-то дикое, звериное. — Потому что когда «Вдова» заставит тебя танцевать, ты же не сможешь простить себе, что пропустил такое шоу?

Алекс посмотрел в ее серые, насмешливые глаза.

— Я тебя убью, — сказал он совершенно серьезно.

— Попробуй, — она ухмыльнулась и, проходя мимо, сильно, с размаху хлопнула его по плечу. — Шевелись. Завтрак сам себя не заработает.

Они оседлали лошадей. Зефир недовольно фырчал и переступал с ноги на ногу, косясь на Клячу. Алиса ударила пятками, и ее лошадь, не дожидаясь команды Алекса, первой нырнула в узкий просвет между деревьями, снова скрываясь в густом, молчаливом лесу.

Алекс тяжело вздохнул, поправил мокрый капюшон и направил коня следом.

— Ненавижу, — повторил он, глядя в широкую спину напарницы.

Но, понукая Зефира, чтобы тот не отставал, он поймал себя на мысли, что впервые за долгое время чувствует себя абсолютно, до зубного скрежета, живым. И это чувство ему совершенно не нравилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.